

Հ. Բարթիկյանի ուշադրությունից վրիպել է եսե աշն, որ վերահիշյալ գիտնականների կարծիքով սելջուկ-թուրքերի ներխուժումը Հայաստան կատարվել է 1030—1032 թթ., որը հիշատակել է Հայտնի է, որ սելջուկ-թուրքերը Տաղրուլ բնկի գլխավորությամբ Պարսկաստան ներխուժեցին և գրավեցին եսրասանը 1034—1040 թթ. հետո միայն և հետևապես նրանք չէին կարող գրանից առաջ թափանցել Հայաստան:

Մատթեոս Ուոհայեցու «Ժամանակագրություն» մեջ հանդիպում են այնպիսի նախադասություններ, որոնք տարբեր մեկնաբանություններ են ստացել: Այսպես, օրինակ, բնագրում ասված է, որ երբ Տեր Պետրոսը զնաց Կոստանդնուպոլիս, կայսր Կոստանդին IX Մոնոմախը եկ ընդ առաջ ետրա և հրամայեաց նստուցանել զՏեր Պետրոս յսպի սլյին, զոր ի ժամ գնալոյն սէր Եղիսէ յինքն առեալ, իսկ սպասաւորք թագաւորին շանային առնուլ, և նա ուժգին ոչ տայր և տեսաւ թագաւորն հարցանէր զպատճառս շտայոյն: Եւ յայնժամ պատասխանի ետ Տեր Եղիսէ և ասեր. «Ո՛վ թագաւոր, հայրազեղական ամոռն է, և ոչ որ է արժանի ի սմա նստիլ, բայց միայն Տեր Պետրոսն» (էջ 105—106): Անհրաժեշտ էր հրշեջի այդ արտահայտությունը և այդա բացահայտել բնագրի էությունը:

Բարթիկյանի գրքում առկա են առանձին նախադասությունների ոչ հիշատակված թարգմանություններ: Օրինակ, «ամենայն սրով վճարեցան» թարգմանված է «քոյորն էլ սրի քաշվեցին և ավերակ դարձան» (էջ 89):

Որտեղից է վերցրել «ավերակ դարձան» նախադասությունը, անհասկանալի է: Այնքան էլ հիշատակված թարգմանված հետևյալ հատվածը. «Դարձիւր, թագաւոր, յերեսաց թշնամեացս, վասն զի ի նետիցս վիրաւորեալ եղեն մեծ մասն զօրացս, գնացուք և ընդդէմ այսմ զինուցս, զոր տեսանեմք առ այլազգիսդ այլ զգնստ պատրաստեցուք ընդդէմ նետիցդ» (էջ 47—48): Թարգմանված է այսպես. «Ո՛վ թագաւոր, նահանջիր թշնամիներ թագաւոր, որովհետեւ մեր զորքի մեծ մասը նետահար է եղել: Գնանք և այլազգիների օգտագործած այսպիսի զենքի զնմ նոր դրահ պատրաստենք՝ նետերից անխոցելի» (էջ 31):

Հ. Բարթիկյանը Երուսաղեմի թագաւոր Գոտֆրիդ Բուլոնացուն անվանում է «Դոգեֆրուա զք Բուլոն»: Լավ կլինէր օգտագործել գիտություն մեջ ընդունված Գոտֆրիդ Բուլոնացի ձևը:

Մենք դեմ ենք Հ. Բարթիկյանի այն կարծիքին, թե «բողար» կամ «բուղար» բառը կարելի է թարգմանել «ոռու» (էջ 41): Մեր կարծիքով այդ բառի տակ պետք է տեսնել ուզերներին, որոնցից մի ջոկատ բյուզանդական զորքերի հետ մասնակցում էր Մանադիկրտի ճակատամարտին:

Մեր այս գիտությունները չեն կարող սովորաբար Հ. Բարթիկյանի շնորհակալ աշխատանքի վրա, որ յուրջ ներդրում է սովետահայ ազգայնապաշտպանության մեջ:

Պատմ. գիտ. դոկտոր Ա. ԳԱՍՏՅԱՆ

ПУШКИН И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ереван, 1975, 520 стр., цена 2 р.

Пушкинские годовщины, в особенности такие «круглые» даты, как минувшее 175-летие со дня рождения поэта, не только всенародный праздник, но и активный стимул к дальнейшей разработке его художественного наследия.

Ощутимый вклад в юбилейную Пушкинскую внесли научные конференции в Москве, Киеве, Тбилиси, Ереване и Баку. Материалы этих конференций легли в основу рецензируемого сборника—четвертого в серии, издаваемой Ереванским государственным университетом совместно с Институтом мировой литературы АН СССР (предшествующие выпуски посвящены Горькому, Некрасову и Лермонтову).

В книге представлено почти сорок авторов, что само по себе внушительно. Однако подлинное ее значение определяется высоким качеством большинства статей, а

некоторые из них дают пример творчески-новаторского исследования избранной темы.

Материалы, давшие название сборнику, входят в его основной, третий раздел. Первые же два (граница между ними довольно подвижна) решают узловые проблемы творчества Пушкина и роли «пушкинского начала» в судьбах русской литературы и культуры в целом. Отсюда естествен переход к последнему разделу, который заметка от редакции определяет как «жизнь Пушкина в художественном сознании народов Советского Союза». Так тематически и структурно расчлененные части книги без нажима соединяются воедино.

Впрочем, это скорее внешняя сторона дела. Гораздо важнее подчеркнуть внутреннюю согласованность этого труда. Она состоит в том, что успех исследования историко-функциональной роли творчества

Пушкина в движении эпох непосредственно связан с глубиной постижения пушкинского художественного мира. И наоборот: в процессе восприятия и творческого освоения наследия Пушкина наглядно раскрывается грандиозность его масштабов, универсальность, синтетичность пушкинского гения. Уровень, достигнутый пушкиноведением, не только позволяет решать эту двудлиную задачу, но и обязывает каждого пушкиниста — маститого и начинающего — ориентироваться на нее, а вместе с тем выдвигает объективные критерии для оценки полученных результатов.

Статья Н. В. Осьмакова «Пушкин в меняющемся мире» воссоздает историю восприятия его творчества читателями и критикой на трех этапах освободительного движения в России. Автор показывает, как в суждениях о Пушкине пробивала себе дорогу наиболее глубокая революционно-демократическая «концепция Белинского — Добролюбова — Чернышевского», как она дополнялась и обогащалась с марксистских позиций Плехановым и Горьким, его итоговой емкой формулой: «Он у нас начало всех начал». Таким образом, магистральная линия намечена верно и четко. Можно лишь посетовать на то, что драматизм борьбы «за Пушкина» (а иногда и против Пушкина) оказался несколько приглушенным. В статье, например, даже не упомянут Ап. Григорьев, чья трактовка Пушкина, как известно, не прошла бесследно для Достоевского. Да и знаменитая речь последнего лишь названа в перечне юбилейных выступлений 1880 г., которые «по-разному освещали современное звучание пушкинских идей». Думается, что подобная беглость в данном случае не оправдана. Заслуживала, на наш взгляд, внимания и непростая эволюция восприятия Пушкина поэтами-символистами: Брюсовым, Блоком, А. Белым. Но это, быть может, вопрос специальный.

Базирующаяся на прочных основаниях передовой критики — от Белинского до Горького — советская наука о Пушкине во все периоды своего развития обращалась к наиболее актуальным и наименее разработанным проблемам. В настоящее время к числу таких проблем относятся динамика пушкинского творчества, эволюция его художественной системы. Удачные подступы к решению этих сложных вопросов

находим в двух статьях рецензируемого сборника.

У. Р. Фохт рассматривает лирику Пушкина как целостную развивающуюся систему. И хотя обзор ведется «на абстрактном уровне проблематики», он наглядно раскрывает глубину проникновения Пушкина-лирика в стремительно расширяющийся круг «противоречий сущности». При этом справедливо акцентируется пушкинская диалектика, выражающаяся в интенсивном развитии каждой из частей противоречия и, в конечном итоге, в их пересечении, «снятии» в идеале, в перспективе будущего.

Другой «уровень» стал объектом и одновременно инструментом исследования в статье С. Г. Бочарова «Поэтическое предание и поэтика Пушкина». Сопоставляя завершающую строфу «Евгения Онегина» с пушкинской лирикой, в том числе ранней, ученый демонстрирует реалистическую основу трансформации двух устойчивых образов-метафор: «праздник жизни» и «жизненный путь». Тонкие наблюдения, мастерский анализ помогают читателю явственно увидеть расхождение семантики «праздника и пути как образов жизни». «Путь» шире «праздника», в него входят и «холод» и «скука». Отсюда «драматизм поворота к жизненной прозе, у которой двойственный лик», и, как следствие, — усложнение, обогащение образа, обусловленное синтезом «поэтической» и «прозаической» точек зрения.

Обращаясь к знаменитой «Элегии», написанной Пушкиным болдинской осенью, за семнадцать дней до последней строфы «Евгения Онегина», С. Г. Бочаров точно и образно соотносит ее и с предшествующей лирикой, и с «романом в стихах»: «Но вино элегии 1830 года — не легкое, нескромное, но старое, крепнущее с годами вино. Это вино не праздник жизни (оно уже стало у Пушкина «подобием того-сего»), но опыта жизни, жизненного пути... Жизненный путь с его «прозой» становится поэтическим событием и материалом истинной элегии... Воистину Пушкин в элегии 1830 года претворяет воду в вино».

Не часто в работах о Пушкине встретишь такой умный и проникновенный анализ поэтического текста. Да и дается он не легко, требуя немалого литературоведческого таланта, творческих усилий и, главное,

научной методологии. Соединением этих качеств отмечена статья С. Г. Бочарова.

Ненечерпаемая красота и мудрость творений Пушкина, пронизывающий их историзм поэтического мышления обусловили, как мы уже отмечали, ни с чем не сравнимое воздействие пушкинских идей и образов на русскую литературу и художественную культуру в самом широком смысле слова. И. Ф. Бэлза прослеживает это воздействие на важнейших этапах развития русской классической музыки и оперного искусства. Высшие достижения Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Мусоргского, Чайковского, Бородина и других композиторов неразрывно связаны с творчеством Пушкина. Он дал не только богатый материал, но и наметил пути формирования музыкально-драматического жанра и романа, на исполнении которых выросла блестящая плеяда артистов и певцов во главе с великим Шаляпиным.

Несколько особняком в статье И. Ф. Бэлзы стоит полемика с противниками версии о виновности реального Сальери в отравлении Моцарта. Известно, что исследователи этого вопроса до сих пор не пришли к окончательному мнению. И. Ф. Бэлза — горячий и давний адепт названной версии, и это его право. Непонятно только, почему он считает, что для создания трагедии Пушкин должен был убедиться в исторической достоверности преступления, обличением которого она явилась» (стр. 86). Во-первых, никак нельзя сводить глубочайший философско-поэтический смысл «Моцарта и Сальери» к «обличению преступления». А во-вторых, Пушкину всегда была ясна грань между исторической и поэтической истинами (достаточно вспомнить стихотворение «Герой» или сопоставить «Капитанскую дочку» с «Историей Пугачева»). Со времен Аристотеля известно, что история говорит о действительном событии, а поэзия о том, что могло произойти. И Пушкин в известной заметке о Сальери писал: «Завистник, который мог освидетельствовать «Дон-Жуана», мог отравить его творца». Второе «мог» и есть та поэтическая истина, которой следовал Пушкин. Поэтому если даже создание «Моцарта и Сальери» обязано легенде, «решительно отведенной позднейшей исторической критикой» («Пушкин. Итоги и проблемы изучения», М.—Л., 1966, стр. 457), это несколько не

колеблет художественной ценности «маленькой трагедии», и всякие опасения на этот счет напрасны.

Но вернемся к содержанию сборника. Следующий ряд статей продолжает разработку традиционной темы — «Пушкин и русская литература», внося в нее некоторые дополнения и коррективы. Существенный вывод А. Л. Гришунина, что «в Пушкине и Грибоедове мы имеем двух независимых, разных и одинаково необходимых русской литературе союзников». Н. В. Фридман прослеживает влияние пушкинского фельетона «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфилович Орлов», подписанного псевдонимом Феофилакта Косичкина, на гоголевскую «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В статье Н. К. Гей «Пушкин и Толстой: движение стиля» показан и объяснен закономерный переход от «гармонического принципа Пушкина, его художественного синтеза» — аналог «полного человека» — к «стилевому удвоению, двупластности, двусоставности толстовского стиля» с присущим ему «пагубным и столкновением изобразительных и оценочных моментов».

Из работ, выявляющих роль «пушкинского ориентира» для русских писателей XX века — от Горького до Есенина — особенно интересны статьи С. А. Небольсина («Пушкин и Блок») и З. С. Паперного («Пушкин и Маяковский»). Успех объясняется тем, что опорными пунктами наблюдения служат такие эстетические вершины, как концепция человека и образная система Пушкина, справедливо считает С. А. Небольсин, «рисует схватку человека с его мирскими судьбами как все то же противостояние «стихиям»: буре, грозе, океану... Пушкин-философ словно постоянно пишет какое-то одно философское произведение, с одной и той же все более проявляемой концепцией». И далее: «Убежденность в силе и самобытности человека, несводимого к нормам «естества», лежащего вне человека, оказывается одной из наиболее устойчивых у Пушкина». Она же эстафетой переходит к его преемникам, в том числе к Блоку. Однако С. А. Небольсин допускает неточность, приписывая Пушкину «оптимистическую традицию выбора (1) между губительным величием стоящей вне человека стихии и рукотворной красотой деяний человека», а также «ряд философских

стихов об умиряемых (!) человеком судьбах или стихиях» (стр. 169). «Противостояние стихиям», по Пушкину, не «умирение», а противоборство. Поэтому представляется опрометчивым мнение автора статьи, будто у Блока «следование пушкинскому ориентиру оказалось на рубеже веков резко и надолго прерванным». И вовсе нет нужды «прибегать к полумистической (?) аргументации», чтобы опровергнуть тезис: «Весь отрезок 1901—1910 годов выглядит... откровенно непушкинским» (стр. 172). Недаром сам С. А. Небольсин вынужден прибегать к многозначительной оговорке: «И все же перед нами не просто разрыв-зияние, лишающий «пушкинскую» перспективу у Блока всякого ритма и порядка». Вместо «противоборства» личного и внеличного, что характерно для художественных концепции Пушкина, Блок, как поэт XX века, одержим стремлением «все сущее вочеловечить». «Человеческое» и «сверхличное» у Блока выступают в других соотношениях, чем у Пушкина, поскольку Блок не просто «шел к пушкинскому идеалу» (стр. 178), а отираясь от него, выстрадал свое собственное нравственно-эстетическое credo.

Еще очевиднее это в «поворачивании памятника» Пушкина Маяковским. «Нередко «Юбилейное»,—резонно уточняет З. С. Паперный,—преподносится лишь как чистейший пример «любви и дружбы», безоговорочного братания поэтов двух веков. Сложная интонация разговора с Пушкиным—лирического и полемически-веселого, озорного, одновременно доверительного и запальчивого, намеренно «дразнящего»—искусственно выпрямляется, выглядит однообразной». Плодотворна установка З. С. Паперного не «гармонизировать» ни Пушкина, ни «ориентацию» на него. Развитие пушкинской традиции включает полемику с ней. Поэтому, как показывает З. С. Паперный, образы Пушкина, выражающие конфликт «личного и надличного, живого и «командорского» (вершина здесь—«Медный всадник») у Блока, А. Белого, Брюсова, Пастернака, Маяковского «переосмысляются, но пушкинское остается как точка отсчета, как первоисходный момент образного мышления».

Следование такой методологической установке оказалось бы полезным и для статьи Н. Н. Воробьевой «Пушкин и проблема поэтической мысли», в которой к «пушкин-

ской традиции» несколько механически «подключаются» романы А. П. Толстого и латышского писателя А. Упита.

Хотя эта статья замыкает первую часть сборника, в ней, как видим, уже прорублен «выход» ко второму и третьему разделам. В последний входят двадцать пять статей. Перед нами «география», далеко превосходящая маршруты пушкинских странствий: от Украины до Закавказья, от Белоруссии и Прибалтики до Казахстана и Дагестана, от Татарской и Коми АССР до Якутии и Абхазии. Все народы Советской страны, поистине «всяк сущий в ней язык» назвал Пушкина своим любимым поэтом.

Особое место занимает Пушкин в духовной сокровищнице народов Закавказья. Приемным сыном Кавказа назвал Пушкина Ованес Туманян, добавив, что «в Европе нет равного ему поэта». «Ни один классик русской и мировой литературы не пользовался в Грузии такой славой и всеобщей любовью, как Пушкин»,—обоснованно пишет В. С. Шадури. Этот вывод можно распространить и на Армению, о чем свидетельствует ряд исследований, помещенных в сборнике.

Статья К. В. Айвазяна «Путешествие в Арзрум» Пушкина (Пушкин в Армении)» дает развернутый реальный комментарий к этому своеобразному жанру путевых очерков, в которых художественное познание быта и нравов кавказских народов, заключивших союз с Россией против агрессии персов и турок, соединилось с братским участием в судьбе сосланных офицеров-декабристов—истинных героев «похода 1829 года».

С. А. Гудлакян дополняет размышления об армянских источниках «Гаврииллады», сообщив, какие Пушкину мог армянский архиепископ в Кишиневе Григорий Захарян. С. К. Дароян показывает особое место Пушкина в переводческой практике и собственном творчестве революционер-демократа Микаэла Налбандяна—поэта и прозаика, критика и публициста. М. Г. Джанноладян продолжает разработку темы «Пушкин и Туманян». «Армянскому Пушкину», как часто называют Туманяна, принадлежат прекрасные переводы «Зимнего вечера», песни Мери из «Пира во время чумы» и других шедевров пушкинской лирики, ставших популярными в Армении.

Традиции Пушкина в поэзии Египсе Чаренца прослеживает Э. М. Джрбашян. В

отличие от Туманяна, который «встретился» с Пушкиным в конце прошлого века на путях к созданию подлинно народной, реалистической поэзии. Чаренц — выдающийся поэт советской эпохи, один из мастеров социалистического реализма — обратился к наследию Пушкина в поисках образца «синтетического искусства». К этому образцу восходят также этапные произведения Чаренца, как «Эпический рассвет», «25-26 октября 1917», «Книга пути».

Справедливость требует признать, что материалы, освещающие проблему «Пушкин и литература народов СССР», в значительной степени не новы. Большинство фактических данных уже известно по более солидным исследованиям других или часто тех же авторов. К тому же дает себя чувствовать разная направленность их интересов (существенное отличие сборника такого типа от коллективного труда). Но, будучи сведены под одну «крышу» и сжато, укрупненно изложенные, эти материалы создают выразительную картину вхождения «пушкинского начала» в дух и плоть национальных литератур как в дореволюционное, так и в советское время. Взятые в целом статьи наталкивают на вывод, что роль Пушкина в каждой национальной литературе различна, но определенные типологические закономерности при этом проявляются.

Интенсивность усвоения наследия Пушкина классиками новых национальных литератур во многом объясняется тем, что, зная русский язык, они черпали богатства подлинника, а переводя Пушкина, не только исполняли важную просветительскую роль, но и закрепляли уроки мастерства.

Нисколько не преуменьшая огромного значения переводов произведений Пушкина на языки народов СССР в прошлом и настоящем (материалы сборника красноречиво говорят об этом), нельзя не радоваться и тому, что знание русского языка приобщает многонациональный советский народ к Пушкину в оригинале.

Вместе с тем во многих статьях справедливо подчеркивается необходимость учитывать тот факт, что воздействие «пушкинской традиции» неотделимо от сопровождающих ее и пересекающихся с ней токов, идущих от творчества многих других гениев как русской литературы, так и литератур Запада и Востока. Это соответствует и редакционному замечанию, что «настоящая книга, как и предыдущие выпуски серии, поможет подготовке к всестороннему исследованию важнейшей проблемы общих закономерностей развития многонациональной литературы дореволюционной России, роли русской литературы в этом развитии». Однако почему только «дореволюционной»? Это, конечно, не более чем случайная оговорка. Но, в какой-то степени она «подказана» материалами сборника, в котором жизни Пушкина в национальных литературах советского периода действительно уделено куда меньше внимания. Видимо, это остается очередной задачей нашего пушкиноведения. Серьезный подступ к ней уже намечен, и это, в сочетании со всем содержанием сборника, делает его выход значительным, отрадным событием в научно-культурном общении советских людей.

Профессор М. Ю. ПЬМАН (Кострома)